

Моей сестре Ханне — с любовью

Я признателен многим людям и организациям, которые помогли мне изысканиями, связанными с этой книгой. Прежде всего:

в Нью-Йорке — компании «Пан-Американ», особенно ее библиотекарю Ливе Цю;

в Лондоне — лорду Уиллису;

в Манчестере — Крису Мейкпису;

в Саутгемптоне — Рэю Фэйси из Ассоциации английских портов, Яну Синклеру из военно-воздушной базы в Хайте;

в Фойнсе — Маргарет О'Шонесси из Музея летающих лодок;

в Ботвуде — Типу Эвансу из Ботвудского музея исторического наследия и гостеприимным жителям Ботвуда;

в Шедьяке — Нэду Белливо и его семье и Чарльзу Аллену из музея Монктона;

бывшим служащим «Пан-Американ» и членам экипажей, летавших на «Клипере», — Мэдлин Кьюниф, Бобу Фордайсу, Лью Линдсею, Джиму Маклеоду, Стейтсу Миду, Роджеру Волину и Стену Зиделису;

за установление контакта с большинством из этих людей и организаций — Дэну Стареру и Пэм Мендез.

Воздушное пассажирское сообщение между Соединенными Штатами Америки и Европой впервые открылось летом 1939 года. Продержалось оно всего несколько недель: его пришлось закрыть, когда Гитлер вторгся в Польшу.

В этом романе рассказывается о последнем полете подобного рода, состоявшемся через несколько дней после объявления войны. Имена пассажиров и членов экипажа, как и сам полет, — вымышлены. Однако самолет такого типа в действительности существовал.

В сентябре 1939 года английский фунт стерлингов был равен 4 долларам 20 центам США.

Шиллинг составлял двадцатую часть фунта, то есть был равен 21 центу.

Пенс составлял двенадцатую часть шиллинга, то есть был равен примерно 2 центам.

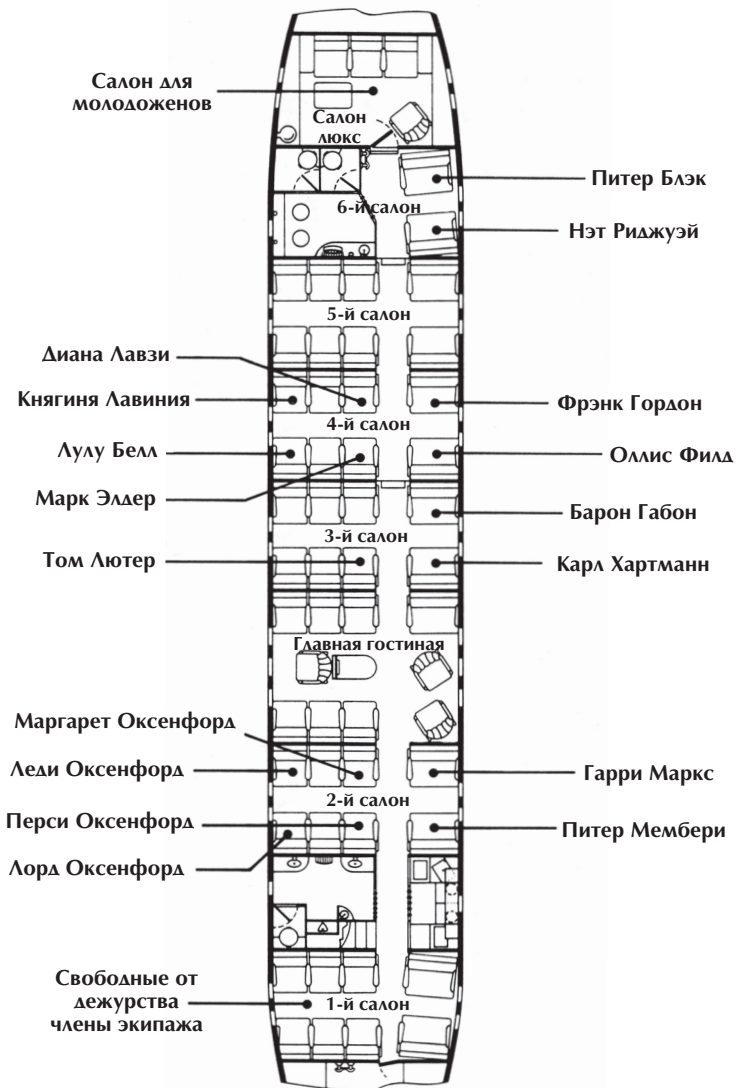
Гиней равнялась фунту с шиллингом, то есть была равна 4 долларам 41 центу.

ПЛАН ПАССАЖИРСКОГО САЛОНА

суперклипера компании «Пан-Американ»,

модель «Боинг-314», число пассажиров в дневном полете: 74,
в ночном полете: 40, размах крыльев: 152 фута,
фюзеляж: 106 футов, мощность: четыре двигателя «Райт-Циклон»,
по 1500 лошадиных сил каждый.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

АНГЛИЯ

Глава первая

Ничего романтичнее этого самолета придумано до сих пор не было.

Стоя на пирсе Саутгемптона в половине первого в день объявления войны, Том Лютер вглядывался в небо с чувством нетерпения и страха. Он ждал прибытия самолета. Лютер мурлыкал едва слышно одну и ту же вступительную мелодию бетховенского концерта «Император», возбуждающую и как нельзя более уместно воинственную.

Вокруг собралась толпа — энтузиасты воздухоплавания, мальчишки, зеваки. Лютер вспомнил, что это девятое приведение «Клипера» компании «Пан-Американ» у причала Саутгемптона, однако ощущение новизны еще не пропало. Самолет был настолько необыкновенный, настолько захватывал дух, что люди жаждали на него поглазеть даже в тот день, когда их страна вступила в войну. Неподалеку от того же причала стояли два внушительных океанских судна, вздымавшихся над головами людей, но плавучие отели утратили свою прежнюю магию: все глаза были устремлены в небо.

Люди говорили о войне, в ушах Лютера звучали их голоса с чисто английским акцентом. Детей перспектива военных действий приводила в восторг, мужчины со знанием дела рассуждали о танках и артиллерии, только женщины мрачно молчали. Будучи американцем, Лютер надеялся, что его страна не вяжется в войну: зачем она Америке? Что касается нацистов, то одно о них можно сказать определенно — они жестко противостоят коммунизму.

Лютер занимался бизнесом, производством шерстяных тканей, и в не столь давнее время имел на своей фабрике массу неприятностей от красных. Он буквально зависел от их благосклонности, и они едва его не разорили. До сих пор не может вспоминать об этом спокойно. Магазин мужской одежды его отца, можно сказать, сровняли с землей еврейские конкуренты, а потом коммунисты — в основном те же евреи! — взялись и за «Сукно Лютера». Тогда он познакомился с Рэем Патриаркой, и жизнь Лютера переменялась к лучшему. Люди Патриарки знали, как нужно поступать с коммунистами. Для начала участились разного рода несчастные случаи. У одного из самых горячих активистов затянуло руку в ткацкий станок. Профсоюзного зазывалу убили в драке. Двое рабочих, которые жаловались на отсутствие техники безопасности, оказались участниками потасовки в баре и попали в больницу. Женщина-смутьянка, подавшая на компанию Лютера в суд, забрала свой иск назад, когда у нее вдруг сгорел дом. Патриарке хватило пары недель: больше волнений не было. Рэй Патриарка знал то, что до него понял Гитлер: с коммунистами следует поступать как с тараканами — давить. Лютер даже пристукнул ногой, продолжая напевать Бетховена.

От причала для летающих лодок авиакомпании «Империал эйруэйз» в Хайте отчалил катер и начал курсировать взад-вперед по лагуне вдоль посадочной зоны, подбирая плавающий мусор. Шепот нетерпения прошелестел в толпе: значит, самолет уже близко.

Первым увидел его мальчишка в больших новых ботинках. Бинокля у него не было, но глаза одиннадцатилетнего ребенка оказались сильнее линз.

— Вот он! — завизжал паренек. — «Клипер» летит! — Он показывал на юго-запад.

Все головы повернулись в ту же сторону. Сначала Лютер разглядел лишь смутное пятнышко, которое вполне могло оказаться птицей, но скоро очертания проступили четче, и возбужденный гул пробежал по толпе: люди подтверждали, что мальчик прав.

К этому самолету прилепилось прозвище «Клипер», но официально он назывался «Боинг-314». «Пан-Американ» заказа-

ла компании «Боинг» спроектировать самолет, способный перевозить пассажиров через Атлантику в обстановке полного комфорта, и вот результат: громадный, величественный, неизменно мощный воздушный лайнер — настоящий летающий дворец. Авиакомпания получила шесть машин и заказала еще шесть. По элегантности и комфорту они ничуть не уступали океанским пассажирским судам, стоявшим у пристани Саутгемптона, но те пересекали Атлантику за четыре-пять дней, а «Клиперу» на это требовалось от двадцати пяти до тридцати часов.

Он похож на крылатого кита, подумал Лютер, когда самолет приблизился. Крупная тупая морда, как у кита, массивное туловище и сужающийся хвост, завершающийся двумя высоко вздернутыми плавниками. Под крыльями можно было разглядеть пару обрубленных крыльев, предназначенных для устойчивости самолета, когда он плывет по воде. На днище машины виден острый будто нож киль, совсем как у быстроходных катеров.

Вскоре стали различимы большие прямоугольные иллюминаторы, вытянувшиеся двумя асимметричными линиями, обозначающими два уровня фюзеляжа. Лютер прилетел в Англию на «Клипере» ровно неделю назад и потому был знаком с его внутренним устройством. Верхний этаж состоял из кабины пилотов и багажных отсеков, нижний — целиком отдан пассажирам. Вместо сидений, выстроившихся рядами, тут были устроены следующие один за другим салоны с диванами-кроватями. Когда наступало время еды, главный салон превращался в столовую, ночью диваны преобразовались в кровати.

Все было сделано для того, чтобы изолировать пассажиров от внешнего мира и неблагоприятных погодных условий за иллюминаторами. Толстые ковры, мягкое освещение, бархатная обивка, успокаивающие краски, тяжелые портьеры. Надежная шумоизоляция превращала рев мощных двигателей в отдаленный умиротворяющий гул. Капитан спокоен и властен, команда в униформе компании красива как на подбор, стюарды вежливы и внимательны. Учтены любые надобности, еда и напитки подавались по первому требованию, все, чего можно было пожелать, появлялось точно по волшебству, в том числе

и свежая клубника на завтрак, на ночь постели закрывались занавесками. Внешний мир начинал казаться нереальным, похожим на кадры фильма, как бы возникающие в иллюминаторах, мир внутри самолета превращался в самодостаточную Вселенную.

Этот комфорт обошелся недешево. Билет туда и обратно стоил шестьсот семьдесят пять долларов — половина цены небольшого дома. Пассажирами являлись в основном королевские особы, кинозвезды, председатели правлений крупных корпораций и президенты небольших стран.

Том Лютер не принадлежал ни к одной из этих категорий. Он был богат, но деньги доставались ему нелегко, и в нормальных обстоятельствах Лютер предпочитал ими не швыряться. Однако ему пришлось познакомиться с этим самолетом. Некое могущественное лицо поручило Лютеру опасное задание — прямо сказать, очень опасное. Денег ему оно не сулило, но сделать этого весьма влиятельного человека обязанным за оказанную услугу было дороже любых денег.

Правда, задание могут еще отменить: должен поступить последний сигнал. Лютер то с нетерпением ожидал этого сигнала, то надеялся, что ему все-таки ничего не придется делать.

Самолет снижался под углом, задрав вверх носовую часть. Он был уже совсем близко, и Лютер в который раз подивился его громадным размерам. Он знал, что длина его сто шесть футов, а расстояние между кончиками крыльев — сто пятьдесят два фута, но цифры остаются всего лишь цифрами, пока сам не увидишь, как эта штуковина проносится у тебя над головой.

На какой-то момент создается впечатление, что воздушный лайнер не летит, а падает и вот-вот плюхнет камнем в море и пойдет ко дну. Затем показалось, что он завис над самой поверхностью воды, словно подвешенный на веревке и надолго застывший в нерешительности. Наконец самолет коснулся воды, заскользил, разрезая верхушки волн, будто камень, брошенный по поверхности воды, и вздымая горы пены. Волнение в защищенной от штормов лагуне было крайне незначительным, и в следующее мгновение корпус авиалайнера опустился в воду, подобно взрыву взметнув вверх новые тучи брызг.

Он разрезал носом поверхность, оставляя за собой белую борозду и высоко раскидывая по обеим сторонам облачка водяной пыли, и самолет напомнил Лютеру утку, садящуюся на озеро, раскрыв крылья и поджав лапки. Фюзеляж опустился ниже, отчего водяная завеса по обеим его сторонам стала еще гуще, и тут же рванулся вперед. Пока самолет выравнивался, глубже погружая в воду свое китовое брюхо, брызг не стало меньше. Наконец его нос опустился. Скорость медленно угасала, тучи брызг сменились накатом волн, самолет тихо и смиренно заскользил по поверхности акватории, подобно кораблю, чем он, в сущности, и был сейчас, словно никогда не помышлял о том, чтобы взмыть в небо.

Лютер вдруг понял, что во время посадки он невольно задержал дыхание, и теперь выдохнул со стоном облегчения. И снова принялся напевать любимую мелодию.

Самолет медленно приближался к пристани. Неделю назад Лютер сошел с нее на землю. Пристань представляла собой паром специальной конструкции с причалами по обеим сторонам. Через несколько минут самолет с носа и хвоста привяжут канатами к пиллерсам и потянут задним ходом на стоянку между причалами. Затем первыми из двери, расположенной над широким водным крылом, появятся привилегированные пассажиры, пройдут по нему на пристань и оттуда по мосткам переберутся на твердую землю.

Лютер отвернулся и тут же замер. За его плечами стоял человек, которого он до сих пор не заметил: мужчина почти одного с ним роста в темно-сером костюме и котелке, словно клерк, задержавшийся по дороге в контору. Лютер собирался было пройти мимо него, но, приглядевшись внимательнее, понял, что это вовсе не клерк. Высокий лоб, ярко-голубые глаза, длинный подбородок и тонкие жесткие губы. Постарше Лютера, лет эдак сорока, но широкий размах плеч говорил об отличной физической форме. Красив, но в этой красоте таилось нечто опасное. Он посмотрел Лютеру прямо в глаза.

Бетховенская мелодия оборвалась в голове Тома Лютера.

— Я — Генри Фабер, — представился мужчина.

— Том Лютер.